

Глава 124: Решение Папы Римского

В тот же момент.

Собор Святого Петра. Комната отдыха в конце коридора.

Папа и Епископ стояли в комнате, глядя вниз на прикованного к постели Святого Рыцаря.

В комнате не было никого. У Святого Рыцаря было красное лицо, закрытые глаза. Он подергивался и мучился в судорогах, демонстрируя признаки того, что его состояние было критическим.

Казалось, что он был заражен бушующей «чумой».

«Чума? Кто распространил такие слухи?» Вдруг Папа фыркнул от отвращения. «Это явно заставляет нас удалить запрет. Маги в столице все более и более свирепствуют».

Епископ опустил голову, наблюдая за умирающим Святым Рыцарем. Он сказал после мгновенного молчания.

«Этот тип проклятия очень уникален и может быть нарушен только Его Высочеством Папой. Если было бы непросто постигнуть, если бы другие пытались. Однако в городе есть, по меньшей мере, тридцать тысяч человек, которые прокляты, это величина, с которой мы не можем справиться».

Даже с каменным лицом Епископ все еще слышал тяжесть его тона, когда он говорил об этом.

Папа повернулся лицом к Епископу.

«Считаете ли вы, что брат из дома Литуров был тем, кто развязал проклятие?»

Епископ быстро покачал головой: «Этот Бэньджаминь Литур, действительно странный, я исследовал его с помощью глаз и ушей дворян и несколько раз читал его воспоминания. Его воспоминания всегда были чистыми и не показывали никаких признаков становления Магом. Хотя в этот момент у него были необычные путешествия, они не казались мне подозрительными».

Папа поднял свои белые мохнатые брови.

«Воспоминания никогда не лгут», - пробормотал он про себя. «Первый Папа оставил нам небесное оружие, у которого были бы ошибки при проверке, если бы оно не было потомком Святого Духа».

«Действительно», - кивнул Епископ.

Разговор затих, поскольку Епископ и Папа не говорили больше. Им было довольно сложно понять события, переплетающиеся с Бэньджаминьом.

Единственный звук, который можно было услышать, это стоны Святого Рыцаря в постели.

Через некоторое время.

«Есть ли какие-либо успехи в расследовании семьи Литур?», - Папа изменил тему после того, как он, по-видимому, был потрясен предыдущей проблемой.

«Маленькие», - Епископ снова покачал головой с чувством беспомощности. «Нам удалось раскрыть некоторые магические предметы из его комнаты, все они указали на мага начального уровня. Мы не могли найти никаких подсказок относительно огромного Водяного Шара, а также проклятий».

«А как память всех домочадцев?», - Папа продолжал спрашивать.

«Мы только нарисовали воспоминания всех горничных, основанных на предыдущем соглашении», - ответил Епископ: «Хотя из этого ничего не вышло, были следы, что его личность претерпела изменения после его похищения».

Папа холодно усмехнулся, словно услышал что-то смешное, но ужасное.

Это не было направлено на учет изменения личности Бэньджаминья, а скорее соглашение о том, что Церковь не может использовать воспоминания о дворянах, он выразил свое недовольство.

«Согласие ...», - его голос глубоко погрузился в уныние с гневом. «Почему мы должны относиться к дому Литуров как к дворянам после всего, что случилось? Их вина в сокрытии мага достаточна, чтобы изгнать их из аристократии. Не говоря уже ...»

«Ваше Высочество Папа», - Епископ прервал его: «Не забывайте о Гжаньте».

"..."

Гнев Папы сдувался как воздушный шар и уменьшался в воздухе.

Он вздохнул, покачал головой, больше не продолжая приговоров. Он сузил глаза на картину в комнате. Эта святая и небесная фигура, нарисованная очень давно.

«Гжаньт ...»

Он произнес это шепотом.

Епископ тоже уставился на картину и сказал: «Да, даст Бог».

Папа согласился и повторил: «Да, даст Бог».

Они молча смотрели на Бога на росписи, как будто это было время молитвы. Как они поджали губы, они могли читать в своих сердцах оригинальные писания Библии, индивидуально упоминая разные вещи.

Прошло некоторое время ...

Папа снова вздохнул и нарушил величественную, но мрачную тишину в комнате. Он выглядел торжественно, когда он морщил лоб.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Святого Рыцаря, потерявшего сознание.

«Эта форма проклятия, напоминает мне о человеке», - сказал Папа.

Епископ, казалось, знал человека, о котором говорил Папа, но у него было другое мнение.

«Это было много лет назад, Ваше Высочество Папа. Вам не нужно останавливаться на этом

вопросе: человек давно умер, и даже если есть другие, кто передал свое мастерство, они не могут повторить то, что произошло в этом году», - он говорил медленно, но утвердительно: «Бэньджаминь Литур. Этот маг, который превосходит все границы, если все рассмотреть внимательно».

Папа обратился к Епископу с предельной серьезностью: «Значит, вы думаете, что отродье овладела мастерством, и развязало проклятие?»

«Это не важно», - Епископ не ответил на вопрос и напомнил об этом: «Независимо от того, кто бросил проклятие, человек получил то, что попросил, теперь все хотят сбежать из города. Врата Хэвенрайта не будут больше закрытыми».

Папа глубоко вдохнул, как будто была тяжелая борьба, с которой он не мог справиться.

«Мы не можем отпустить его из города, он просто слишком уникален», - решительно сказал Папа. «Даже если нам придется определить на это всю рабочую силу всей Церкви и принести несколько жертв».

«Действительно», - кивнул Епископ.

Папа окунулся в свои мысли, пытаясь составить планы по возвращению Бэньджаминья.

Возможно, это было простое дело или довольно сложная задача. Причина в том, что они не знали о реальной способности Бэньджаминья, чтобы составить соответствующий план. Они боялись, что если они будут недооценивать его способности и опрометчиво посылать своих людей, это может нанести Церкви ненужный урон.

Папа думал об этом, долго и упорно.

«Если мы не сможем удержать ворота, тогда пусть они откроются», - он поднял голову и продолжил: «Неуловимый дьявол слишком хорошо скрывается и знает, как долго он способен скрываться. Мы не сможем заманить его, не открывая ворота и не выбрасывая приманку».

«Тогда кто будет следить за ним, как только нам удастся его проследить?», - спросил Епископ.

Папа шагнул к выходу и открыл дверь. Он взглянул на пустой, но сильно украшенный коридор, и заговорил, когда он посмотрел через плечо. Его лицо носило морщины, которые покрывали все его лицо.

«Ты и я».